

Ramita Navai

CITY OF LIES

LOVE, SEX, DEATH,
AND THE SEARCH
FOR TRUTH IN TEHRAN

 hachette
BOOK GROUP

Рамита Наваи

ГОРОД ЛЖИ!

ЛЮБОВЬ, СЕКС,
СМЕРТЬ
ВСЯ ПРАВДА О ТЕГЕРАНЕ

БОМБОРА™

Москва 2018

УДК 821.111-94(55)
ББК 84(5Ирн)-44
Н15

Ramita Navai
CITY OF LIES

© Ramita Navai 2014
First Published by Gollancz, London

Наваи, Рамита.

Н15 Город лжи. Любовь. Секс. Смерть : вся правда о Тегеране / Рамита Наваи ; [пер. с англ. Ю. Змеевой, О. Перфильева]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Проект TRUESTORY. Вокруг планеты за 80 книг).

ISBN 978-5-04-094684-6

В мире лжи не существует классовых различий и религиозных препон. Мораль тут ни при чем: здесь ложь — гарантия выживания.

«Город лжи» — сборник историй, которые проливают свет на такие вопросы, как любовь, брак, секс, наркотики, азартные игры и порноиндустрия в Тегеране. Что движет участниками политических организаций? Что заставляет девушек становиться проститутками и чем это может обернуться? То, что всегда было скрыто под покровом тайны, откроется на страницах этой книги.

С годами каждый становится мастером в искусстве лжи. Правда, есть одна загвоздка: для иранца очень важно быть честным с самим собой. Это часть их культуры и жизни. Но как остаться верным себе в системе, которая вынуждает лгать ради выживания?

УДК 821.111-94(55)
ББК 84(5Ирн)-44

ISBN 978-5-04-094684-6

© Змеева Ю., перевод на русский язык, 2018
© Перфильев О., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

*Всем тегеранцам, где бы вы ни были.
Моему мужу Габриэлю, почетному
тегеранцу и любви всей моей жизни.
А главное, моим родителям: матери
Лайе, за то, что вдохновляла меня;
и отцу Курушу, воплощению всего
хорошего и великого, что есть
в Тегеране.*

*Ложь, поддерживающая мир,
лучше правды, его разрушающей.
Саади Ширази, «Розовый сад Саади»*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ПРОЛОГ	12
1. Дариуш	17
2. Сумайя	40
3. Амир	93
4. Бижан	140
5. Лейла	163
6. Муртаза	199
7. Асгар	239
8. Фариды	259
ЭПИЛОГ	282
ОТ АВТОРА	285
КЛЮЧЕВЫЕ ДАТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ИРАНА	290
СЛОВАРЬ	293
ИСТОЧНИКИ	296
БЛАГОДАРНОСТИ	305

Предисловие

Давайте сразу проясним одну вещь: если вы хотите жить в Тегеране, вам придется лгать. Мораль тут ни при чем: в Тегеране ложь — гарантия выживания. Поразительно, но необходимость притворяться затрагивает всех: в мире лжи не существует классовых различий и религиозных препонов. Самые благочестивые и набожные тегеранцы владеют искусством лжи как никто другой. Мы, тегеранцы, мастерски манипулируем правдой. Малолетних детей учат не признаваться, что папа хранит в доме спиртное; подростки отчаянно клянутся в своей девственности; лавочники разрешают покупателям втихую есть, пить и курить в подсобке в месяцы поста; юноши предаются самобичеванию на религиозном празднике Ашура, уверяя, что каждый удар плети — дань имаму Хусейну, хотя на самом деле все это — мачо-спектакль с целью завлечь красивых девушек. Девушки, в свою очередь, утверждают, что пришли на праздник исключительно из религиозных побуждений. Вся эта ложь рождает новую ложь; как плесень, ложь разрастается и проникает во все трещины общества.

Правда в Тегеране — тщательно скрываемый, редкий и опасный товар; он высоко ценится, и обращаться с ним следует с великой осторожностью.

Правда в Тегеране — тщательно скрываемый, редкий и опасный товар; он высоко ценится, и обращаться с ним следует с великой осторожностью. Правду в Тегеране раскрывают лишь тем, кому верят безоговорочно, или в порыве крайнего отчаяния. В иранской культуре ложь ради выживания — давний, глубоко

ГОРОД ЛЖИ

укоренившийся обычай. В первые годы исламского завоевания шиитов поощряли скрывать свою веру, чтобы избежать преследования, — эта практика получила название *такие*. В Коране также сказано, что в некоторых случаях ложь ради общего блага разрешена. Патологическая скрытность давно перестала быть столичной тенденцией и проникла в города и деревни по всей стране, но Тегеран по-прежнему остается ее источником.

Но вот в чем загвоздка: для иранца очень важно быть честным с самим собой. Это часть нашей культуры. Персидский поэт Хафиз призывает искать правду, ибо лишь тогда человеку откроется смысл его существования:

*Полюбишь Истину лишь раз,
И эта любовь никогда тебя не оставит.
На этом тернистом пути пережитые горести и радости
Помогут сбросить с глаз пелену, словно занавес, поднимающийся над сценой,
И открыть тебе твою Величественную Сущность.*

Герои иранских мыльных опер почти всегда заняты поиском своего истинного «я», а в основе многих фетв лежит противопоставление религиозного долга искренним человеческим устремлениям. Поэтому большинство тегеранцев пребывают в постоянном конфликте с собой. Как остаться верным себе в системе, которая вынуждает лгать ради выживания?

Не поймите меня неправильно, я не говорю, что мы, иранцы, прирожденные лжецы. Ложь — это следствие необходимости выживать в деспотическом режиме, ведь нами управляет правительство, считающее своим правом вмешиваться даже в самые интимные дела граждан.

За годы жизни (и лжи) в Тегеране я слышала немало рассказов своих соотечественников, с которыми вы вскоре познакомитесь. Среди них не только обычные тегеранцы: многие существуют на периферии иранского общества. Но я надеюсь, что

ПРЕДИСЛОВИЕ

даже самые экстремальные примеры из этой книги помогут постороннему понять, что значит жить в этом городе с населением более двенадцати миллионов. Определяющая черта тегеранцев — доброта, в этом я убедилась на собственном опыте. Как бы тяжело нам ни было, как бы наглухо режим ни закручивал гайки, внутри нас теплится неугасаемый огонь. Я чувствовала его тепло и у рьяных сторонников правящего режима, и у воинственных диссидентов, и у тех, кто располагался где-то между этих двух полюсов.

Чтобы защитить своих героев, я изменила все имена и отдельные детали, временные периоды и географию, но все описанное в этой книге происходило на самом деле и все еще происходит. Все это реальные истории города лжи.

ПРОЛОГ

Улица Вали-Аср

Когда смотришь на Тегеран с высоты, кажется, что он накрыт светящимся облаком. Над городом висит оранжевая дымка, преломляющая солнечные лучи; густой, ядовитый туман упрямо забивается во все углы, жжет ноздри и щиплет глаза. Улицы запружены машинами, выкашливающими черные клубы дыма, которые медленно поднимаются вверх и висят над головой неподвижной завесой. Пары ползут по склонам карамельных гор Эльбурс на севере. Здесь скопления высоток смотрят на город сверху вниз, как имамы, возвышающиеся над коленопреклоненной паствой. В раскинувшейся внизу долине живут многочисленные тегеранцы. Здесь нет ни одного свободного клочка земли: все застроено без какой-либо логики, стиля и здравого смысла. В старые кварталы бесцеремонно врезаются клубки раз-

вязок; уродливые постмодернистские здания загораживают солнце изящным особнякам.

Для тегеранцев Вали-Аср — символ города. Десятилетиями иранцы приходили сюда праздновать, протестовать, шествовать, поминать, скорбеть.

В самом центре, среди хаоса, разрезая город пополам, пролегла широкая длинная улица, с обеих сторон обсаженная тысячами высоких сикоморов. Вали-Аср протянулась с севера Тегерана на юг — главная артерия, подкачивающая кровь к самым далеким

уголкам столицы. Для тегеранцев Вали-Аср — символ города. Десятилетиями иранцы приходили сюда праздновать, протестовать, шествовать, поминать, скорбеть. Одно из моих самых яс-

ПРОЛОГ

ных детских воспоминаний — как я еду по Вали-Аср на машине. До сих пор помню, как баюкали меня клонившиеся друг к другу сикоморы, как их зеленый навес укутывал тех, кто внизу.

Вдоль рядов деревьев с древними разросшимися корнями, узловатыми, выступающими из потрескавшегося бетона, тянутся глубокие водостоки для ледяной воды, стекающей с северных гор. Чем дальше к югу, тем темнее и мутнее становятся потоки. Середина Вали-Аср — центр Тегерана: бурлящее, плотно утрамбованное сердце города с тысячами мотоциклов, машин и людей, снующих в разных направлениях. Между многоквартирными домами все еще можно обнаружить умирающие останки величественных старых особняков; зажатые меж высоких стен, они из последних сил цепляются за жизнь. Дальше к югу здания мельчают и ветшают: это кварталы домов из грубого бетона и крошащегося кирпича с разбитыми окнами и надстройками из рифленого железа на крышах. Снаружи, как металлические кишки, торчат ржавеющие газовые трубы и кондиционеры. Здесь улицы бесцветны, подернуты тенью консерватизма и нищеты. Черные саваны чадр бесшумно плывут мимо темных костюмов и хиджабов: траурная гамма, отмеченная печатью одобрения ислама, нарушается лишь кричащими фресками с пропагандистскими лозунгами, изображениями героев войны и религиозных мучеников. В самой южной точке Вали-Аср упирается в площадь Рах-Ахан и центральный вокзал Тегерана, куда прибывают путешественники со всей страны: луры, курды, азербайджанцы, туркмены, таджики, арабы, белуджи, бахтиары, кашкайцы и афганцы.

Вали-Аср и сотни отходящих от нее улиц — город в миниатюре. На 17,5 километра уживаются богатство и бедность, религиозное и мирское, традиция и современность. Перемещаясь из конца в конец и наблюдая за жизнью людей, можно перенестись на несколько веков назад.

Улицу построил Реза-шах, хотя в 1921 году, когда работы начались, шахом он еще не был. Но лишь после военного пере-

ГОРОД ЛЖИ

ворота и свержения Ахмед-шаха, последнего из династии Каджаров, улица начала обретать современные очертания. Были уничтожены фруктовые деревья и прекрасные ухоженные сады, принадлежавшие аристократам, чиновникам и принцам из династии Каджаров; на их месте пролегла улица, а лучшие участки земли Реза-шах оставил себе и своей семье. На завершение строительства ушло восемь лет; дорогу протянули дальше на север, к дворцам шаха в пригороде, зимней резиденции на теплой южной окраине и летней — в прохладных горах севера. Строительство улицы стало одним из этапов программы массивного расширения Тегерана, задуманной Реза-шахом, который поставил себе задачу осовременить Иран. Вали-Аср должна была стать предметом зависти на Ближнем Востоке: величественная, внушающая трепет, элегантная и живописная, как тенистые французские бульвары, и грандиозная, как великие римские дороги. Реза-шах лично следил за посадкой более 18 тысяч сикоморов. И улицу назвал в свою честь: Пехлеви.

В 1979 году произошла исламская революция, сына Реза-шаха Мохаммеда Реза Пехлеви свергли националисты — противники шахского режима, а улицу переименовали в Мосаддык. Ее назвали так в честь бывшего премьер-министра Ирана доктора Мохаммеда Мосаддыка. Эксцентричный адвокат, он получил европейское образование, а став премьер-министром, пытался национализировать иранскую нефть, но был смещен с поста в ходе спонсируемого ЦРУ переворота. Мосаддык стал героем, но пробыл на посту чуть больше года, и столько же улица называлась его именем. Крестный отец исламской революции аятолла Рухолла Хомейни завидовал популярности Мосаддыка и никогда бы не допустил, чтобы самая знаменитая улица страны носила имя человека, ставшего символом иранского национализма, а не символом ислама. Хомейни переименовал ее в Вали-Аср в честь почитаемого имама Махди, также известного под именем имама Замана — последнего из двенадцати шиитских имамов, которого многие шииты считают Спасителем. Появление

ПРОЛОГ

мессии возвестит новую эру мира и исламской справедливости, но до того Спаситель вынужден прятаться. Подходящее имя для улицы, ставшей символом города, чья истинная жизненная сила жестоко подавляется исламским режимом.

Это происходит глубокой ночью. Никто не знает, во сколько и сколько человек причастны, но наутро все только об этом и говорят. Свидетельства случившегося видны по всей Вали-Аср: из бетона торчат десятки обрубленных стволов. Работники муниципалитета с бензопилами срубили более сорока сикоморов. Тегеранцы недовольны. Они шлют письма, звонят мэру, фотографируют. Пишут о произошедшем в Твиттере и заводят страничку на Фейсбуке. История попадает в газеты. Члены известной группы правозащитников утверждают, что деревьев срублено намного больше. Ассоциация защиты культурного наследия называет уничтожение «невинных» деревьев «ужасающим актом вандализма». Люди обрывают телефоны в прямом эфире ток-шоу радио «Фарханг» — национальной радиостанции. «Каждое из этих деревьев хранит воспоминания. Если их срубят, воспоминания погибнут. Их бензопилы вонзились в мою душу», — в слезах причитает слушательница с типичной иранской горячностью и драматизмом. Тегеранцы в гневе.

Безногий ветеран войны занимает свое обычное место на тротуаре у парка Меллат в северном конце Вали-Аср. Кладет рядом грязные костыли и раскладывает на земле товар: батарейки разных цветов и размеров. За его спиной по водостоку бежит гигантская крыса. Студент музыкального училища со скрипкой на плече услышал про срубленные деревья и пришел посмотреть своими глазами.

— Я-то был на войне, а бедные деревья — чем они заслужили такую судьбу? — шутит ветеран.

Юноша усмехается и идет на север в Баг-Фердоус — городской парк, раскинувшийся перед элегантным дворцом Каджаров. Сюда он приходит поразмышлять и понаблюдать за миром